

Борона

Цена отдельного № 4 коп.

БОРОНА

Обсуждаем статью Михаила Ирановича Калинина.

Крестьянин А. П. Ползиков сней вол., прочитав статью Вашего мина в № 4 "Бороны" о мда свой ответ. Помогаем полно

Слушай, что говорят передовики—крестьяне

Как я улучшаю свое хозяйство... что сделано крестьянином Окуновым Е. И. из сел Протасова, Сарвесской вол.

Новый плугер лучше старого? Что мне дал посев кормовой свеклы.

Что мне рассказал А. Я. Москвин. Деревню не пускают вперед деревенские обывки.

Режим в хлебу.

Давай в корм жмыхи. Заведи кормушку

Что нам нужнее: ЦЕРКОВЬ или ШКОЛА?

ТОРФ ВМЕСТО НАВОЗУ

ЖИВОЙ ВЕС 21 п.

Варовалийте с осени торф удобрение.

в губернии 518 церквей и 725 школ.

Тяжелый труд на железные плечи машин. Эти заповеди т. Бобков помнишь по мере возможности выполняй.

Что мне дало поживное пущение. (Опыт крестьянина А. М. Воронина, из дер. Н.-Кубово, Котельской вол.)

Корреспондент должен я знать предмет, который описывает. Так, о колпаке опиши, что и опиши, до

Николай Кузьмич Вишняков о "Бороне" — наш советник и друг

разъяснен решения XV союзной партконференции. Борьба за грамоту! БУДКА, РЕЛИГИЯ И ВСЕЛЕННАЯ. Кооперация — путь к социализму.

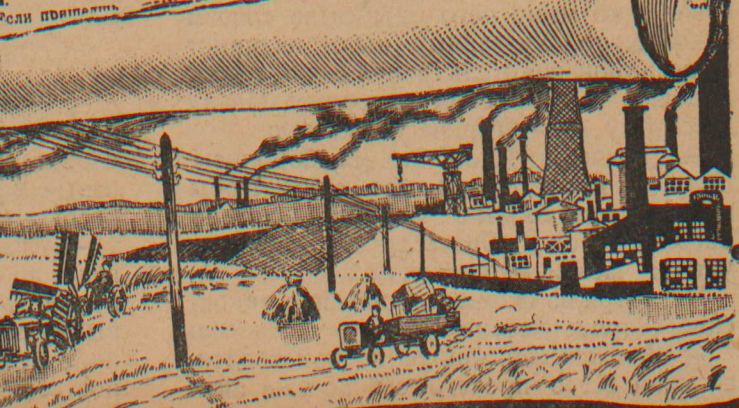

РЯЗБЕРИСЬ В ДЕЛАХ ЗАГРАНИЦЫ

Беднота за работой. Соберитесь и дело сделай.

Сельные передовики должны сотрудничать в борьбе с кулаками. В советской деревне им не место.

КАРЬЕРА ПРЫЩИКОВА.

Как то в жаркий летний день, проходя мимо волисполкома, Прыщиков заметил на улице труп кошки. Кем была убита кошка и за какие провинности, об этом не мог даже сказать виковский сторож, к которому обратился он за разъяснением.

— Може, коровы залягали,—равнодушно бросил сторож и нехотя ткнул ногой разлагавшийся труп.

Это возмутило Прыщикова. Он долго думал о бренности жизни вообще и кошачьей в частности, о том, что кошачий труп может служить рассадником заразы, а, следовательно, подорвать наркомздравские устои и хлопнув себя по лбу решил:

— С этим можно бороться только через газету!

Через несколько дней в редакции местной газеты получили от Прыщикова письмо.

Вот оно. Мы исправили грамматические ошибки, но оставили Прыщиковский стиль:

„Здравствуйте уважаемые товарищи-сотрудники и редакторы газеты. На десятом году революции, когда нас уже признала заграничная Антанта и прочие паразиты, когда трактор крепко засел в деревне, а кооперация давит частника на все сто процентов, у нас в волости творятся такие безобразия, о которых я и сообщаю вам. Все мы прекрасно знаем, что Москва не в раз строилась. Но, товарищи, если строить, так строить, а не в бирюльки играть. По моему так, не знаю, согласны-ли вы с этим. Одним словом челуха, а в чем челуха, я вам расскажу. Онамеднясь один местный активист, он же делопроизводитель земельного стола, проходя по улице, увидел лежащий поперек дороги, насупротив самого вика, труп кошки. По причине летнего времени, труп смердил, вследствие чего мимо него идти было совсем невозможно. Указанный выше активист и делопроизводитель земельного стола, подошел к виковскому сторожу Ивану Потапычу и категорически заявил:

— „Гражданин! За что мы боролись? Если вы думаете, что для того, чтобы нюхать вонь, то вы в этом глубоко ошибаетесь. Прошу убрать труп в двадцать четыре часа и мне донести!“

Несмотря на оное распоряжение, виковский сторож весьма грубо ему ответил:

— Я к каждой кошке не приставлен, а оприч всего прочего сейчас уже пять часов и присутствие кончено“.

Как сознательный гражданин, вышеуказанный активист и делопроизводитель земельного стола продолжал настаивать, то этот, с позволения сказать, виковский сторож, нахально расхохотался и заявил:

— „Если вам кошка мешает, уберите сами, а по мне не только кошка, слон пусть лежит“.

На этом разговор был кончен. Сторож ушел к себе, не иначе, как пить самогонку, потому что производство этого напитка у него выше довоенного.

Товарищи редакторы и сотрудники газеты! На десятом году революции, когда мы строим Волховстрой, Днепрострой и прочие строительства, на пути к социализму лежит кошка и местная администрация, в лице виковского сторожа, равнодушно проходит мимо нее. Прошу распечатать это в газете полностью не упоминая моего имени, а подписать псевдоним „Борец“.

Активист и делопроизводитель земельного стола Прыщиков.

Примечание редакции: Письмо напечатано не было. Отгадайте, почему?

Д. З.

— Наш советский паровоз, что был на испытании, развивает скорость в полтора верст в час..

— А по мне развивай хоть триста!.. Раз я за растрату на восемь лет строгой изоляции угодил, мне на нем не ездить.

Борьба с оппозицией.

— А у нас на днюх в Нардоме портреты Троцкого и Зиновьева со стены сняли...

— Да разве так борются с оппозицией?..

— Тут борьба не причем!.. Работы больно хороши были, вот воры и полстелились — украли.

Старые учительницы.

— Что это с вами случилось, Марья Ивановна?.. То богомольной были, а теперь словно с цепи сорвались: и антирелигиозные спектакли ставите, и безбожные беседы ведете, и иконы поразбивали!..

— Ах, Ольга Петровна, раз мне два года до пенсии осталось, надо же себя проявить, чтобы не уволили... А вот выйду в отставку, пенсию получу, тогда иное дело: отмолю, даст бог!.. И свечку поставлю, и молебен отслужу, и от'исповедуюсь... Всею свое время!..

ПАУТИНА

А я тебе так скажу, милый человек, что селькор извывать совсем не след, потому, за это тоже по головке не глядят: засудят — и готово дело. А на нет свести, ежели умеючи, всегда возможно. Вот у нас на селе какой случай оказался: был некий паренек Микешин Илан, бедности отчаянной, а в газетах протащить мог очень даже свободно кого хошь. Всякий непорядок насквозь видел; как что — сейчас черк-черк, и готово дело.

Многие от него страдали и за самогон, и за работников. Да чего там: самого председельсвовета, человека партийного, и того сшиб! Это верно, председатель взятки брал, ну да мы не очень обижались, потому все земли пройди, везде сухая ложка рот дерет.

Приходят как-то ко мне мужички, которые постепеннее.

— Так и так, говорят, Федор Степанович, ослобони нас от Микешина, присоветуй, как его на-нет свести! Я им и отвечаю: ублажите вы селькора нашего лаской да красным словом, причтите к вкусноте да сдобе, и готово дело.

И стали мы Микешина обхаживать. Подошел я к нему: „честь и хвала тебе, — говорю, — и крестьянское спасибо за раскрытие непорядков и темных происшествий... А потому не погнушайся, зайди ко мне хлеба-соли откушать, о делишках побалакать“. Не больно охотно, а все же пошел. Я его сейчас в красный угол сажая, а уж на столе пирожок из белой муки с мясом, чаек с медком, селедочка пегвосортная, — и готово дело. А завтра его Силин скручивает: „раз — говорит, — ты есть значительное лицо, не откажи мне, значит, в своем посещении, потому о кооперациях желаю с тобой беседу вести“. А уж на столе у него лапша молочная, баранинка, пирожок с луком и яицами. Вкуснота! А за Силиным опять же Полудин, а за Полудиным по череду Костров. И таким манером из конца в конец: ровно паствух, стал наш Микешин по изб-м похаживать. Мы его перебрасываем, ровно мячик, а ему и не влом. И везде вкуснота со сдобой, ватрушки да пампушки, первешние кушанья. Приобик наш Микешин к хорошей пище, — и готово дело. Как перебрался вдругорядь ко мне, уж и от самогоночки не отказывается. А как добрался до другого конца — сурьезно впился: хлещет во всю, — и готово дело.

А я тебе так скажу, милый человек: к хорошей жизни человек привыкает в однокчасье... Раздобрел наш Микешин, катается, как сыр в масле, разве только иной раз спяная погордится: „пропечатаю-мол вас, пауков, ежели что!“

Только, где там! Каким уж тут писаньям!

Как дошел третий раз Микешин до меня, принимаю я его за пустым столом и говорю:

— Раз я, по твоему мнению, паук, так ты теперь не селькор Микешин, а самая на-тоящая насекомая, потому как уж давно сидишь в паутине. И пошел ты вон, говорю, чтобы твоего духу не было!

Свели на нет, и готово дело.

— За что тебя муженек-то побил?..

— А за то и побил, чтоб не жаловалась, что бьет... Побьет, пожалуй, снова побьет: на такую уж я точку

СЕЛЬКОР.

Есть такой на свете человек — Ваня Гвоздь. Ничем этот Гвоздь почти не знаменит, росту он низенького, ноги кривые, нос приплюснутый, глаза в разные стороны разбежались.

Только и всего. А вот поди-ж ты!

И есть еще в том-же селе самогонщик Гришка Комлев. Самогонщик, как самогонщик: по ночам самогон гонит, а в базарные дни продает по полтине бутылку, только тем и кормится.

Только вздумал однажды Гвоздь этого самогонщика угробить. Подстерег, когда Гришка аппарат наладил и сухопарную трубку в холодильник отпустил, чтобы самогон с бардой не шел и, хрясть в дверь к самому что ни есть аппарату.

— Здравсте, — говорит, — наше вам с кисточкой!

— Здравствуй, коли не шутишь, — отвечает

Гришка, а сам делает свое дело и ничуть Гвоздя не боится.

— Что это ты Гриша делаешь? — спрашивает Гвоздь.

— Как, что? Пойло скотине грею...

— Вот так пойло, когда самогоном воняет!

— Мало ли что чем воняет, раз я говорю пойло, значит, пойло!

— Врешь, Гришка!

— Не веришь! На попробуй.

Нацедил Гришка полный ковш первача и подает Гвоздю. А тот этот ковш единым духом и вытянул. Как дотянул последний глоток, так и поползли ноги в разные стороны. Правая под самогонный аппарат, а левая к двери.

Тогда сел на него Гришка верхом и давай почему попало кулаком волтузить. Бьет, а сам приговаривает:

— Не пиши, не пиши, не пиши!

И впрямь Гвоздь не написал. А пришел на другой день опять к Гришке в баню и говорит:

— Опять, Гриша, пойло греешь. А дай-кось я еще попробую?

Налил опять Гришка, только уже на этот раз не первача, а самого слабого. Выпил Гвоздь, в голове малость зашумело и пошел по другим самогонщикам добирать нужную крепость.

И опять до пьяна набрался.

С тех пор и пошло. Как кто самогон гонит, Гвоздь тут как тут. Даже сам себе без спросу наливать начал.

Приходит однажды таким манером к Гришке и говорит:

— А я опять к тебе, Гриша, пробовать пришел?

— Я вот тебе попробую между глаз, больше не захочешь!

— Мне? Да я тебя чичас в газету!!!

Ушел со зла домой и впрямь на Гришку в газету написал. А Гришка тоже в долгу не остался, тоже послал письмо в редакцию — так, мол, и так, дорогие товарищи, есть у нас селькор один, который кроме распить самогона ничего не делает — пропечатайте его, мерзавца.

Ждут-пождут нет заметок в газете. Оба даже пить-есть перестали. Только приходит однажды рассыльный и приносит обоим по повестке в суд явиться, а в повестке ничего не обозначено.

— Ну, — думает Гвоздь, — уж на суде-то я его, голубчика, отчехощу.

Тож самое и Гришка думает. Пришли на суд, а там все и выяснилось. Обоих к ису потянули. Одного за варку, а другого за выпивку.

Пригвоздили Гвоздю три месяца со строгой, да Гришке три то же, и обоих с места в карьер в теплое местечко.

Так и не пришлось им свести счеты.

ЗАСИЛЬЕ.

— А что нам, деревенским, кругом ходу не дают и везде городское засилье, в этом я твердо убежден...

Мозжухин угрюмо смотрит на меня:

— Знаю, что ты словами сыпать начнешь, ну да на этот раз не отвертись! Взять хотя бы Кострова, как с ним ваши городские поступили, а?.. Человеку талант даден, а ваши-то его враз загубили!.. Добро бы Костров мальчишко был, а ведь он мужик степенный, всегда первым на селе считался... И поди-ж ты, как над ним издевались! Конечно, раз засилье кругом, тут уж действительно податься некуда, терпи и терпи!..

— Ну, ты понакажешь, Ефим Кондратьич!

— А вот поди-ж ты! На то есть документальные данные.

Ефим Кондратьевич вытаскивает из сундука пачку листков и бережно держит их у груди.

— Пришел он ко мне однажды, друг мой, Костров, и говорит: — „слушай“.

„Есть в нашем селе фершал и докториха,

„И живут, и лечат очень лихо:

„У фершала такая повадка,

„Когда больному шибко не сладко,

„Он говорит, что нет медикаментов,

„Ежели для подарочков не улучил моментов!..

„А докториха фершала покрывает,

„Знай, по деревням, день и ночь раз'езжает!..

Мозжухин торжествующе обводит меня глазами:

— Мог Костров складно говорить безостановочно, хотя целый день!.. И писать бы мог, да бумага в цене — не напасешься!.. И про все складывал, про что хочешь... Видим, таланту у него об'явился, говорим:

— Костров, в газетках и разных там безбожниках теперь все так пишут... Наладья-ка ты в Москву со своим товаром, там живо распространишься!.. Чем за сохой волочиться, лучше в газетках писать... И будешь ты в столице вроде, как наш ходатай: и нам не без пользы, и тебе лестно.

Нарядили мы Кострова всем селом в Москву.

Ударился он туда, а через месяц возвращается обратно и докладывает собранию:

— Рад был потрудиться и для себя, и для общества, да везде городское засилье... Бился-маялся, обивал пороги, да там на нашего брата и глядеть не хотят: — плохи, говорят, твои стихи!

И такого порасказал, что просто, стыд и срам: в одной газетке, на что Костров

мужик обстоятельный, все же не стерпел, крикнул „и за что мы кровь на фронтах проливали?“ А начальник ихний, маленький такой, подслеповатый увернулся: „А за то, говорит, и проливали, чтобы таких чудаков поменьше было!“.

Вот тебе и лицом к деревне!

Как все порасказал нам Костров, мы и постановили единогласно посадить его в секретари сельсовета. И грамотен, и талант ему даден, пусть распространяется.

И стал Костров разгружать свой талант, сразу рысью взял.

Ефим Кондратьевич придвигает поближе к себе лампочку и поясняет:

— Это вот Павел Сабуров бесконтрольно дров просил на покупку колес и дровень. Так вот Костров резолюцию ему наложил:

„Это вернее верного,

Что колеса у него скверные,

— А дровни-то он купил прошлый год,

И, действительно, что попал сброд...

А посему два куба разрешить можно!

Можно и меньше, но не три.

Как он загнул, кнут его побери!

Секретарь Костров — Липкинского сельсовета,

Доверен от тысячи человек народа

Десятого октября 1926 года“.

Все резолюции стихами стал махать наш Костров, но долго не пришлось ему распространяться: приезжали из вика, болтуном обозвали, дела не в порядке нашли и сместили.

— Плохо, вишь, разбирается!.. И стихи, мол, плохи и неуместны!.. Да разве нашему брату ходу дадут!.. Поди-ка, выдвинься!

К. Милль-Полярный.

ПОГОВОРКИ КСТАТИ.

Обрезом пера не перешибешь.

Написанное пером не вырубешь топором, а написанное селькором не забудешь скоро.

И рады-бы селькоров уничтожить кулаки, да руки коротки.

Что селькор напишет — всякий слышит.

Хотя селькор и одинок, да остер у него коготок.

В газете, как в сортировке — вся нечисть выводится ловко.

Без газеты, как без рук, всем газета — первый друг.

Наши дети.

Сын (отцу): Ты не больно дерись, тятя. Я стенкор — живо прохвачу.

Большая шишка.

Не иначе, как Титу Оглоблину бабушка ворожила. Как-бы не ворожила ему бабушка — не был бы Тит в нашем селе большим человеком.

А стал он большим человеком по нашей-же вине. Сами виноваты, каемся, сами себя выпоролы.

Случилась эта грустная история сразу-же после Покрова пресвятыя богородицы Снегу еще не было, а уж наши мужички о лесе поговаривать начали. Хорошо-бы еще, что начали, а то прямо на первом собрании, ни с того, ни с сего:

— Лес нам до зарезу нужен. Неча ждать, когда в волости за распределение возьмутся, надо посылать человека в город.

Ну, конечно, голосованием рук и постановили послать. А кого послать? Известно — Тита Оглоблина. Кроме некого. А ему это и на руку.

Собрали человеку общественных денег триста рублей, да по фунту масла с дому, да две четверти самогону обогреться в дороге и проводили честь-честью, только музыки не было.

А через неделю, примерно, Тит вернулся. Смотрим, не узнаешь человека. Важный приперся, как есть натуральный барин. На сходе таково важно доложил нам:

— О лесе, граждане, можете не беспокоиться. Лес выхлопотан. Ну, мне для общества, конечно, много пришлось постараться, весь город, можно сказать, пришлось обегать, вот...

— Спасибо, Тит Егорыч, — отвечаем мы ему в один голос, — дай тебе бог здоровья...

— Здоровье, само собой. Мне прибавку гоните. Я не только у самого старшего в губегнии был, а даже чуть к Калинину не поехал. Да еще хорошо в башку мысль ударила в редакцию сходить, в газету. Пришел, объяснил в чем дело, а там и пошла писать губерния. Сразу по телефону:—

„гоните, дескать, такие-сякие, товарищу Оглоблину лес для общества“. И что-же, вижу дело выходит на нашу сторону. В редакции, сам редактор по плечу похлопал, — ну, и дошлый, говорит, ты парень, — не хочешь-ли у нас селькором состоять? — „Хочу, говорю“. Дали мне анкету заполнить, заполнил. — Ну, теперь, говорят, ты у нас ответственный селькор на всю волость.

— Ого! — сказали мы хором. — Вот как..

С тех пор и пошло. Как сход, Тит бузит:

— А меня спросили? А может я этого не хочу, а?

Мы конечно, сробеем:

— Извиняемся, — говорим.

— То-то. Извиняетесь. Забыли, кто я. Человек для общества кровь почти проливает, селькором состоит...

В кооперативные дела стал вникать. Придет, понохает бывало, а потом приказчику:

— А эта у тебя, братец, селедочка с душком. Придется об этом в газетку. Знаешь, что я ответственный селькор.

Приказчик, конечно, человек маленький.

— Что вы, что вы, Тит Егорович. Сельди отличные-с. Возьмите пожалуйста парочку, испробуйте.

Завернет ему пару селедок в бумажку, ребятишкам конфет полные карманы наложит. Глядишь, и сошло с рук.

С попом тоже однажды побузил. За ранней обедней дело вышло.

— Что вы это, батюшка, — говорит, контрреволюцию разводите. Как кончаете обедню, так в поминовении всех святых да князей старорежимных поминаете. Может мне это не нравится. Что тогда?

И батя струсил, уж на что неробкий человек был. С первого-же воскресения за обедней, прежде чем святых перебирать, всегда помянет:

— Титу, сыну Егорову, милости своя, господи, даруй...

Загордился совсем Тит. Везде свой нос сует. До чего-бы он так дошел — неизвестно. Только случилась и на него проруха. Приехал в волость человек из городу и собрал всех селькоров. И мы послушать пошли. Пришли, глядим, нет нашего Тита. Вопрос городскому человеку задали сразу:

— А почему нашего Тита нет?

Посмотрел городской человек книжечку и отвечает:

— У нас такого селькора сроду небывало. Это сплошной мираж...

Мираж это или нет, нам до этого дела мало. Пришли домой и сразу-же сход. Вызываем Тита.

— Ты, что это, чертова перечница, нас за нос водишь? Какой ты, к лешему, селькор, когда ты сплошной мираж. Твое дело только селедки в нашем кооперативе бесплатно получать, от всех сельских повинностей уклоняться.

Сразу струсил. Поклонился низко обществу:

— Не хотите, — говорит, — меня иметь своим селькором, так хоть в пастухи на следующий год возьмите.

Пожалели, взяли. А ведь в свое время большой шишкой, мерзавец, был.

Сплошной праздник.

— Что ты, Митрич, вторую неделю гуляешь?

— А как же мне не гулять? Новое рождество справил — новый год на иоу, новый год справил — старое рождество тут как тут, а там новое крещение, а там старый новый год, старое крещение, а в промежутке-то старый сельсовет провожали, то новый сельсовет встречали — глядишь, и передохнуть некогда!

Валеткин

Ко мне подошел человек довольно невзрачного вида, в потрепанном пальтишке, из под которого торчал воротник люстринового пиджака. Он развязно отрекомендовался:

— Валеткин с...

И вслед за этим, наклонившись к самому моему уху шопотом добавил:

— Селькор-с! Псевдоним — Гремящий. Наслышан о вас. Чигал-с. Вразумительно пишете. Но не в точку с. Понимаете. Не в точку с. Глубины

нет, мужицкого содержания, смаку, так сказать.

Окончив фразу, Валеткин, сразу сел на стул и, постукав крышкой чайника, крикнул:

— Порцию чаю и лимончик!

— Вы, собственно, где-же пишете? — спросил я.

— Везде-с. По инстанциям. Вначале в уездную, не прошибет — в губернскую, а коли там не подействует — в центральную. Исключительно этим занимаюсь.

— И не работаете?

— Нет-с. Времени не хватает, а потом и оседлости не имею. Сегодня здесь, а завтра за 40 верст. Кругозор громадного размера.

Валеткин самодовольно погладил подбородок, на котором торчало три желтых волоска, и добавил:

— Практика-с.

— Позвольте, — снова спросил я: — чем-же вы живете все-таки?

Валеткин хитро улыбнулся и хихикнул:

— Гонорарчиком.

— Ах вот что! Значит, вас много печатают.

— Бывает, но больше всего по следственной части.

— То-есть?

— Да так-с. К прокурору, скажем, или в милицию.

— Но кажется за эти заметки не платят.

— Платят, — скромно вздохнул Валеткин.

Я изобразил на своем лице знак вопроса и хотел было задать новый вопрос, но мой собеседник не дал мне заговорить.

— Платят, — повторил он: у меня такса: с бедняка полтинник, с кулачка подороже. Не понимаете-с? Разясню. Вот, скажем, Иван Петров гонит самогонку и Иван Сидоров гонит самогонку. Иван Петров попался, а Сидоров нет. Естественно, зависть. Донести не решается, а злорада грызет. Я тут как тут. Так и так мол — полтинник и дело в шляпе. Послал заметочку, глядишь, если ее не напечатают, то в милицию отошлют. Ну и попался Вот-с; таким манером. Но это пустяк-с. Я и по земельным, по гражданским и другим делам Большая практика.

Я сидел пораженный таким сообщением и долго не мог собраться с мыслями.

— Но это же... не селькорство, а черт знает что, — выговорил, наконец, я.

— Как хотите, — не моргнув ответил тот: хлеб-с.

В это время мимо прошел какой-то крестьянин. Он заметил Валеткина и многозначительно подмигнул ему.

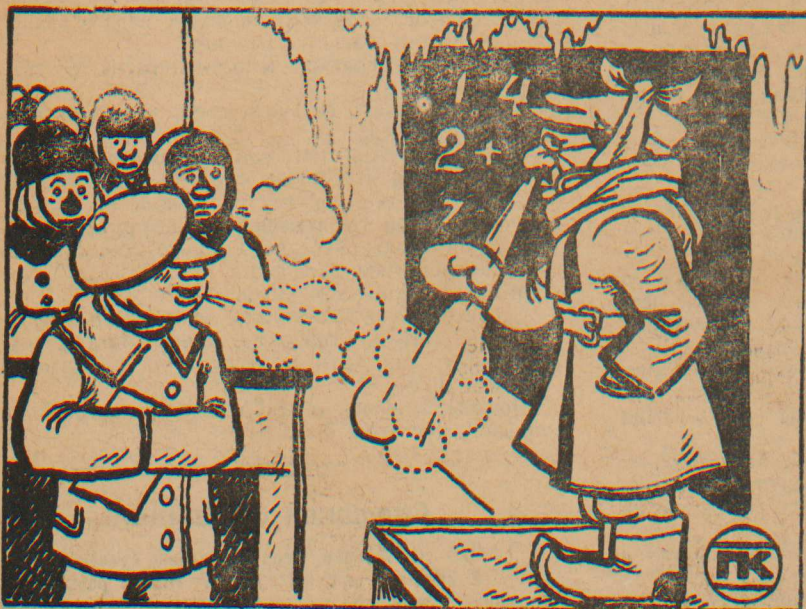
— Зовут-с, шепнул тот и скрылся в другой комнате.

— А это такой? — спросил я буфетчика, когда Валеткин ушел.

— А это, Валеткин. Раньше адвокатом, говорят, был, а теперь, слышь, селькор. Артемий Сель-ий.

Урок физики в нетопленной школе.

Рис. Г. Малютина.

УЧИТЕЛЬ: Итак, ребята, вы на собственном примере можете убедиться, что от холода тела сжимаются.

Дорога в Америку.

Америка, как доказывают многие ученые, находится под нашей советской республикой. Только этому особенно верит Зайцевский председельсовета, Головинской волости.

— Я, — говорит он, — пока сам в Америке не побываю, никому не поверю!

Ладно. Ждали мы, ждали, когда председельсовета в Америку поедет, наконец дождалось. Напился он однажды пьяный и полез в колодезь. Естественно, турмаком полетел.

Вытащили его оттуда, спрашиваем:

— Ну как, побывал в Америке?

— Немножко, — отвечает, — не доехал! Паспорт забыл, да в вике с учета не снялся. А что касается Америки, то есть такая.

— Не стоит, граждане в Америку ездить, убиться можно!

ЧУЖИЕ СЛЕЗЫ.

На почте было шумно и оживленно. Почтальон Ваня Фунтиков, размахивая только что полученным номером „Бороньего Зуба“, весело воскликнул:

— Товарищи! Согласно нашего уговора, сегодня „Зуб“ читаю я первый. Вторым будет читать Сережа, третьим Миша, четвертым Володя, пятым...

Неизвестно кто-бы стал читать пятым, но только на этот раз в решетчатое оконце просунулась широченная борода и перебив Фунтикова, спросила:

— Газеты есть?

— Есть! — засуетился Фунтиков, — вот, пожалте!..

Борода сгребла газету и, пробежав мельком первую страницу, спросила вновь:

— Журнал должен быть?

— Какой это? — непонимающе удивился Ваня.

— Тут сказано — с этим номером всем подписчикам рассылается журнал „Бороний Зуб“...

— Сказать что хочешь можно. Намедни про меня начальник почты сказал, что я осел, а разве я осел?

— Это нас не касается! Раз выписано — подай!..

Фунтиков на это не обратил внимания. Он побежал к товарищам, которые коллективно читали „Бороний Зуб“ и вместе с ними увлекся.

Бородатый дядя опустил-ся на скамейку и долго слушал веселое содержание журнала и смех почтовиков, а потом не выдержал и громко заплакал.

Служащим почты стало совестно и они покраснев ушли.

— Будет-ли совестно служащим Буйской почты, нам неизвестно. Известно только то, что журнал „Бороний Зуб“ на Буйской почте зачитывать любят.

Митрич.

ПРОВУШКА.

Горько плакала Орина,
На сынка глядя, на

Провушку:

— Не видать мне больше сына,

Снимут с плеч ему
головушку!..

Ну, зачем писать в газетине,

Что тебе за то достанется!

— „А в селе Елизаветине,

Предсовета горький
пьяница!“

— На попа зачем пушчал мораль,

Для чего писал каргиночки,

Ему скоро помирать
пора —

Собирает на поминочки!
Вот пойдешь теперь

в ночи домой,
Пропaday твоя голу-

вушка,

Снимут с плечь ее
за то долой!

— О-ох, ты бедный сын
мой Провушка-а!!!

— 888 —

Угадала, вышло в скорости,

Хотя вышло и совсем
наоборот:

Предсовета сняли
с должности,

Ну, а Пров и посейчас
живет.

В.

Не так понял.

— Читал?.. Пишут вот, что новую „кузницу здоровья“ в Крыму открыли.

— Вишь ты, все о кузницах заботятся, а нет, чтобы о нас, крестьянах.. Ни одной избы здоровья не наладят.

Шефы дыбом.

Тронь-ка, струнку балалайка, —

Разудала, весела!

Разойдись-ка, да сыграй-ка
Ты про шефские дела!

Как приехали намедни

Шефы нашего села, —

Словно в праздник к

обедне —

Бухнули в колокола.

Дорогие наши гости

Привезли для мужиков

Крем и пудру от „Жир-

кости“

И корсеты без шнурков.

Пару туфель белой майки,

Лаун-теннис и крокет,

Да четыре балалайки,

Да пятнадцать пар манжет!..

Шефы ели, пили — много,

И надрызгались зело..

Провожать-же их в дорогу

Вышло целое село.

Собрались у исполкома:

„Хошь подарки не плохи, —

Только нам бы агронома,

Вместо этой требухи!“

Вдарь по струнам, балалайка!

Ну, и помощь для села!

А у шефов, видно, гайка

Очень слабая была!

А. Стовращий.

По бревнышку.

Крестьяне дер. Асташово, Ильинской вол., продают лес местного значения за самогон.

В роще гул стоит и стоя,

Гибнут сосны, гибнут ели.

— Эй, гони нам самогон!

Все пропьем мы в полне-

дели!..

Скотское положение.

Коровинский предвик на казенной лошади катает свою жену и родственников, а сотрудникам платит проездные.

Э-эх, предвик! Тебя нам

жалко,

Парень ты видать не глуп.

Бить не будем тебя палкой.

Но садись ка ты на „Зуб“!!!

ТВОРЧЕСКИЕ МУКИ.

Плохой селькор. Целый день бьюсь, а самой паршивой заметки написать не могу. Темы нет. Хош-бы попова сабана сдохла, что-ли.

„ГОНОРАР“.

-- Что это ты, Ванюша, на костылях?

-- А это я гонорар получил за последнюю заметку.

Чужая слава.

Андрей Семеныч, приказчик вновь открытого крестьянами деревни Новобытово кооператива, сидел в новенькой лавке и читал свежий номер губернской крестьянской газеты „Красное Село“.

На третьей странице он вдруг увидел заметку „Наши достижения“, в которой какой то „передовик“ писал о Новобытове:

— Перешли на многополье... вырыли колодезь... построили пожарный сарай... Ага! — открыли кооператив, — читал Андрей Семенович. — Вишь о нас пишут! Жаль не написали, что мол, приказчик в кооперативе Андрей Семеныч Безтоварников... Хорошо-бы оно, имя, отчество по печатному...

Потом его заинтересовало, кто-бы это мог быть „передовик“. Всех он в деревне знал наперечет, но почему-то никого не мог заподозрить в способности написать заметку в газету.

— Здорово живете, — оторвал от дум Андрея Семеныча вошедший мужик.

— Здравствуй, дядя Иван.

— Табачку осьминку дако-сь, Андрей Семеныч, да гумажки листка три.

— Можно. Еще чего изволите?

— Да пока все есть. Прощенья просим.

— Погодь, — остановил мужика приказчик. — Листок свежий не читал?

— Да где-я ведь не получаю, — ответил дядя Иван. — Возьмешь когда у Митрия-соседа... Али что интересное пишут?

— Во! Про нас! — указал Андрей Семеныч на заметку. Дядя Иван, медленно шевеля губами, прочитал заметку и, довольный, сказал:

— Хорошее дело... Теперь вся губерния узнает, как живут „новобытовцы“! А кто это Андрей Семеныч, написал-то? Не знаешь?

— Ну, это, — приказчик поднял кверху указательный палец... Редакционная тайна. Этого тебе никто не скажет. Мало-ли, — добавил он, — есть среди нас, которые хоть с небольшим образованием, а все-же моракуют несколько...

— И кто бы у нас такой был? — вслух догадывался дядя Иван. — Комсомольцы; ежели?... Да много-ли их у нас? И те другим заняты.

Взгляд его остановился на Андрее Семеныче, который перечитывал еще и еще заметку и на лице которого расплылось довольство.

— Да не иначе он и писал, кому проче него, — решил дядя Иван.

— Ну, дядя Иван, — оторвался от газеты Андрей Семеныч, — решил я оказать содействие редакции, и буду принимать подписку на „Красное Село“. Давай с тебя начнем... Гони монету! Как есть мы теперь передовые и о нас вся губерния читает, то и должны все газету читать...

— Да я бы ни-што, да вот денег-то... Сколь надобно-то? — спросил дядя Иван. — Вот есть у меня семь гривен, куда ни што — уплачу.

— Давай три четвертака, — предложил Андрей Семеныч, — на три месяца тебе газета будет.

* * *

— Андрюшка-то криворотой, приказчик-то, — рассказывал встречным дядя Иван, — про нашу деревню в газетине пропечатал. Все как есть — про колодезь, про сарай пожарный, про лабаз, про все...

— Да ну? Удивлялись мужики. — Пойти почтять. И густо лезли в лавку.

— Вот ведь вразумит кого бог — на все человек пригодится — посчитать ли, продать ли, али написать чего... лстыли приказчику посетители лавки и один за другим читали заметку о своей деревне.

А Андрей Семеныч, видя, что к нему пришла нежданная чужая слава цвел от удовольствия и широко расплывался криворотой красной рожей.

— Да, и у нас растет общественность, — с пафосом заявил он. — Можно сказать, и мы в люди выходим Любопытно, кто-б это у нас мог написать? Кто есть такой „передовик“? Ума не приложу.

А сам уже чувствовал, что все считают его автором заметки — Что-ж, пускай их, — думал он. — По крайней мере, почету больше...

Когда наб. алось народу полная лавка, Андрей Семеныч встегнулся и об'явил:

— Граждане крестьяне, как, значит, идем мы к новой жизни без старых, сталоть, предрассудков, то и надо нам всем получать свою родную газету „Красное Село“. Давайте, подписывайтесь коллективно!

Редкого новость не свела в лавку и редкий не стал подписчиком на газету. Андрей Семеныч сиял солнцем, успешно торговал и не менее успешно вербовал подписчиков.

* * *

После заметки „Наши достижения“ в „Красном Селе“ были напечатаны еще три четыре заметки, оповестившие всю губернию о том, что „новобытовцы“ не будут более праздновать престольный праздник „николин день“, что граждане той деревни тьнуты к свету и выписывают на 43 двора 30 штук газеты „Красное Село“, что из часовни они устроили избучитальню, и т. д.

Слыва Андрея Семеныча росла и достигла предельных размеров, когда в „Красном Селе“ по печатному были написаны имя и отчество его, с указанием, что он является другом газеты, т. к. дал газете двадцать пять подписчиков.

Андрей Семеныч рос в собственных глазах и занимался в лавке больше разговорами на культурно просветительные темы, чем делом.

И вдруг набежала тучка и грянул гром. В очередном номере „Красного Села“ новобытовцы прочитали:

Растратой пахнет.

Приказчик „новобытовского“ кооператива, А. С. Бестоварников ведет дело из-рук вон плохо. Он плохо заботится о своевременной заготове необходимых товаров, а кроме того у него недавно обнаружена недостача товаров на 50 руб., о которой он говорит, что это усушка. Растрата на лицо. Надо растратчика притянуть к ответу.

Передовик.

Прочитали новобытовцы и глаза выпучили. Что погастация Бестоварников немножко кооперативного добра, знали все и мирились с этим — привыкли уж к тому, что приказчики крохали у хлеба черезчур пользуются. А вот высек он сам себя, удивительно! Сам про себя написал — вот-те на!

Подивились мужики и опять густо полезли в лавку.

— Здорово живете,—сказал, входя в лавку, дядя Иван и ничего не услышал в ответ

Приказчик был в лавке. Взволнованный, красный, копошился он в темном углу и будто бы развешивал там связки лаптей и кнутов.

— Андрей Семеныч,— снова окликнул дядя Иван.— Тут ли, што-ли ты?

— Чего тебе?— подошел тот к прилавку.

— Да вот, табачку осьминку, гумажки опять-же...

— Нет табаку. Не получен еще,— резко оборвал Андрей Семеныч и ушел снова в темный угол.

Дядя Иван постоял, поскреб пальцем в затылке и проговорив: „прощенья просим“,— направился к выходу. Но в эту минуту в лавку вошло десятка полтора мужиков.

Толпа была возбуждена, но настроена весело.

— А ведь мы, Андрей Семеныч,— начал один из мужиков,— думали, што это ты писатель-то... Ан, выходит, не ты...

— Не ты, знать, „передовик-то“,— подстал другой.

— А мы то дивуемся, что, мол, Андрей Семеныч про свой грешок писанул,— вставил третий.

Андрей Семеныч отмалчивался. Слышно было только, как он зло швырял в своем углу связки лаптей.

— Гляньте-ка, мужики!— вскричал низенький мужиченка—замухрышка, просматривавший газету: И прочитал неторопо

„В деревне Новобытово, по почину селькорки Небогатовой, девушки батрачки, организовался селькоговский кружок, который и приступил к занятиям“.

— Во, здорово!

— Вона, кто „передовик-то“!

— Обозначка вышла! — услышались возгласы.

А в это время дверь открылась и вошел невзрачный паренек, Мишка, деревенский пастух.

— Андрей Семеныч, подпиши-ка мне газету еще на три месяца—у меня срок вышел..

Злой, взъеженный выбежал к прилавку Андрей Семеныч.

— Катись ты к лешему и с газетой твоей! — закричал он.— Ни на какие сроки не принимаю! — Будя! Вы, вот такие сопли, просвещенные будете про честных людей враки в листках писать, мораль напущать на человека, а о вас заботься... Нечего ржать,— крикнул он рассмеявшейся толпе.

— Пакостники, черти серые! Тоже еще в грамоту лезут!.. Изба-читальня!.. Газету им давай!.. Да катитесь вы все к...

Он схватил с прилавка злополучный номер газеты, смял его и бросил в толпу. Потом сменил тон:

— Вам смешно, а тут...— сказал он чуть не плача, махнул рукой и, убитый чужой, отобранной теперь славой, снова убежал в свой темный угол.

Гр. Желтоусов.

Всему свое время.

Вы не слышали, дорогие читатели, о том, что приходится делать ввиду наличия режима экономии?

Так слушайте!

Крестьяне деревни Комарова, Сараевской волости, прошлым летом построили пожарное депо.

— Депо против пожара первое дело!— говорили комаровцы.

А потом зима пришла. Не нужно стало депо, да к тому-же его и снегом заносить стало. Взяли да поделили комаровцы депо между собой, по бревнышку.

— Авось да на то лето пожаров не будет! А если будут, неопалимую купину купим, дешевле и практичнее!!

Спит и не знает, что вышел свежий номер „БОРОНЬЕГО ЗУБА“!..

Кто его разбудит?

Так да не так.

- А Севрюгина-то опять протащили!
- В газете, что-ли?
- Какое тебе. Из шинкапьяного!..

— Как, Сидорыч, поживаешь?..

— Я то?.. Припеваючи!..

— Вот-вот. Я тоже каждый день по бутылке выпиваю, живу, припеваючи, а неважно...

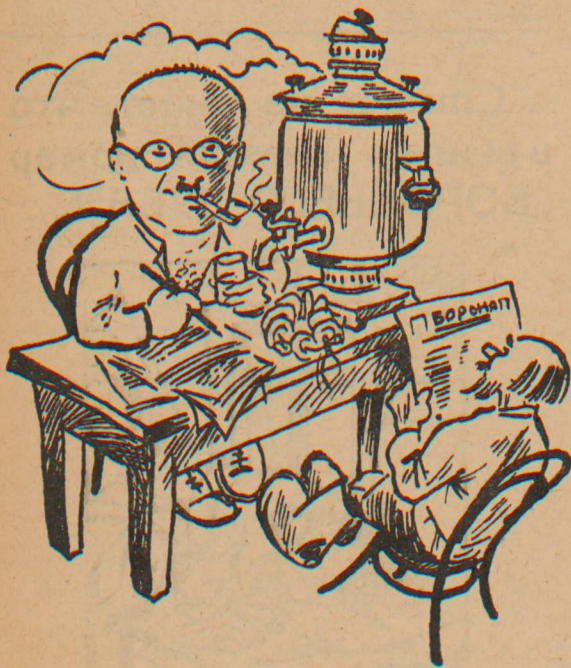
— Ну, как твой сынок-то, грызет гранит науки?

— Не-ет, бросил: хулиганы все зубы ему выбили, нечем грызть стало.

Дружеские шаржи.

Редактор А. Д. Карулин.

Главбух и „бывалый охотник“
Н. М. Иерусалимский.

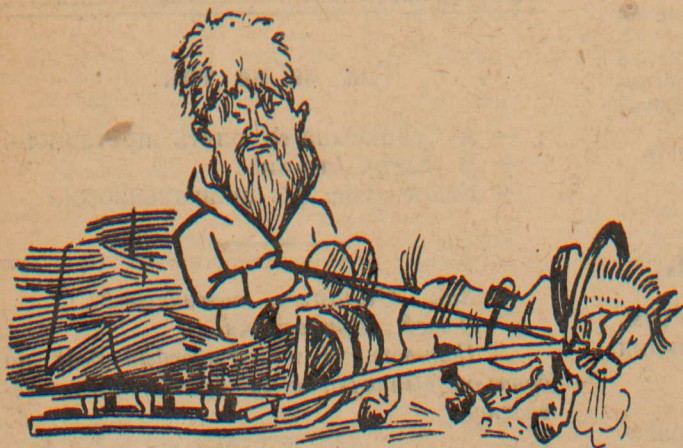
Когда „Ворона“ будет выходить три раза в неделю, обязательно самовар купим. Чтобы, значит, тираж пятнадцать тысяч и чай горячий для крестьян.

— Куда, Николай Михайлович?
Аль за зайчиками?
— Нет. По счетам деньги получать.

Наш селькор Ф. В. Петров.

Зав конторой и корректор
Г. Н. Рубинский.

— Аль картошку продавать везешь, Феропонт Васильевич?
— Нет. Заметочки в „Ворону“ везу.

— Дайте мне запяточку.
Изничтожу!

Секретарь редакции Д. Захолустный.

Ф. Великосельский.

Хотя и не доктор, а приходится „Зуб“ таскать и главное каждый месяц.

Зубастый дед, он-же Ваня Вавилов, перень славный, когда спит.

— Эх, такую бы машину изобрели, которая бы сама стихи сочиняла, а я бы только гонорар получал.

Это наш художник. Почему он себя так нарисовал—непонятно. Не иначе, что в этом году женится или умрет.

Редакционная корзина.

Необходимый предмет в редакции и грозный враг плохих селькоров.

НАШ УРОЖАЙ.

Расплылось лицо суровое
От улыбки до ушей.
Вот придет домой с обновкою
Да и скажет:—Баба, шей;
Нашим потомполе полито,
Урожай сам-двадцать пять.

Хорошо на многопольи-то
Землю сеять да пахать.
Вот теперь я ради праздника.
— Толь не праздник у
страны!!!
Для Николки, для кроказ ика

Купил новые штаны...
Будет любо-любо пахарю,—
Для себя расход не в счет.
И забьется под рубахою
Сердце радостней еще...

БОРОНЬЕ РАДИО

Стихийное движение.

Дворяни-ово, Норцевск. Крестьяне, пришедшие на пленум сельсовета, стихийной лавой двинулись к выходу, так как предик Князев на пленум не явился.

Выставка в Мантурове.

Мантурово. Из пивной Вятского ГСНХ выставлен за скандал член правления кооператива «Работник» Лебедев.

Встали на ноги.

Богородское. Местные крестьяне, пропившие общественные дрова, на второй день протрезвились и встали на ноги.

Взрыв на заводе.

Демьяново, Шушиномск. На заводе П. Куликова произошел взрыв. Взорвало самогонный аппарат. Убытки небольшие.

Зверский режим.

Бушнево. Местное кредитное товарищество, проводя режим экономии, эксплуатирует попа и даже приняло его на работу.

Новая секция.

Сандогора, Мисковск. Предсельсовет Гушин организовал новую секцию по распитию хлебного вина и самогона. Занятия секции происходят в помещении сельсовета. Руководит Гушин.

Отсталая волость.

Головинское. Только что закончился сбор налога первого с оха местному причту. Попы собирали по 10 ф., дякону по 5 ф., дячку по 4 ф. с дома. Второй и третий срок еще не выполнены. Следует поспешить.

6-го февраля созывается съезд рабселькоров

Ответ по существу.

Кооператив организовал производство конфект, причем не рассчитал и заготовил чрезмерно много повидла для начинки, которое испортилось и кооператив понес на этом большие убытки.

Приходит покупатель:

- Эта карамель с чем? С вареньем?
- Нет: с убытком!

зревывборное.

— Прошу мою кандидатуру в предсельсоветы снять.

- А причины какие?
- На всю деревню один я селькор. Про сельсовет писать некому будет.

— Все против голосят, а ты-то почему руку не подымаешь?

— Не могу, на меня председатель смотрит.

БОРОНОЙ ПО КОЧКАМ.

Зав-глуп.

Заведующ Космининским клубом Кириллов ходит постоянно пьяный и кроет всех матом.

Чтобы пьянствовал завклуб—
Этак не годится.
И Кириллова на „Зуб“
Просим мы садиться.

Шунгенский кооператив— обвешивать ретив.

Приказчик Шунгенского ЕПО Сенцов постоянно покупателей обвешивает
Селькор В. Н.

Таким подходом мужика
Не вовлечешь в „кипиратив“.
Дадим Сенцову тумака,
Чтоб репутацию спасти.

Что ты пьешь, сельсовет?

Челпановский предсельсовета, Левашевской волости, К. П. Кошкин постоянно пьянствует и крестьянам приходится его ждать по 5 и более часов.

Хорош Челпановский совет,
В одном лишь смысле—пить
до поту.

Чтоб пьянку вывести на нет,
Возьмем мы Кошкина в ра-
боту.

После дождичка во втор- ник.

Крестьянин И. А. Соколов из дер. Худяково, несколько раз подавал в Молвитинский волзе заявление и несколько раз получал ответ— „придите во вторник“.

Четвергами да посулами
Очень многим жить прихо-
дится,

Но с такими жить акулами—
Упаси нас, богородица!

Почта или кабак, или что нибудь не так.

Во время разборки почты в Яковлевском почт. отдел. Шартановск. вол. постоянно происходит пьянка, зачастую корреспонденция идет не по назначению.

В довершение этого
Приходим к заключению:
Яковлевские почтари
Попали не по назначению.

Поповская группа, или нечто вроде живого трупа.

Попы и кулаки села Кувакина, Митинск. вол. сорвали передел, так как вся хорошая усадебная земля находится в их руках.

Кулаки, попы к тому-же,
Получили сладкий кус.
Подтянуть-бы их поуже.
Снять с мужицкой шеи груз.

На дворе у попа.

Поп: (поймав крестьянку, которая хотела унести игошу дров из его дворянина). Да накажет тебя бог раба божья. Вспомни заповедь господню: „Не укради“. А ты крадешь, несчастная. И у кого? У пастыря божия. О, будь ты проклята! Да ввергнет тебя диавол в ад крешный и муки вечные.

Крестьянка: Каюсь, батюшка. Сатана соблазнил. Грех попутал.

Приятное свинство.

— Ха арошую свинью я на праздниках попу подложил.

— А поп, небось, здорово рассердился?

— Чего ж сердиться—
свинья-то была жареная.

Честный гражданин.

— Товарищ кассир! С вашей стороны это не очень честно. Вы мне сегодня фальшивый полтинник всучили.

— Извиняюсь. Давайте перемену.

— Хватился. Да я его уже пропил.

Выкосливый.

— Ну, как у вас казначей—
вынес ревизию?

— Он еще до ревизии все вынес.

Готовятся к перевыборам.

Леонтьево, Яхнобольск. Ввиду наступающей кампании перевыборов советов, крестьяне на сход посылают детей. Посещаемость такова: от 90 домохозяев—3 человека.

Еще вид рекламы.

Буяново, Коноховский кооператив пригласил на службу дьякона Поварова, который обладает громким голосом и может привлечь покупателей.

И тут волокита

Погибелки. Местная милиция до сих пор не может выдать соответствующего документа на производство самогона братьям В. Ф. и С. Ф. Вахрушиным.

Разговоры по-душам.

Антону Северному.—Получили твои стишки, „Дуб“ прозываются. Ты пишешь:

Поднялись два дуба древние
Сучьями крепко обнявшись...
Это откуда-же они поднялись,
с постели, что-ли?

Крючку и Игле.—Вы пишете, что фельдшерница Максимова, из Коряковской вол., без лошади к больному не едет, обязательно лошадь требует. Что-же, это вполне законно, а вот уже если автомобиль потребует, тогда напишите нам?

Очевидцу,—который пишет:

„В Халбужской вол., был устроен вечер смычки учительства, а была выпивка“.

Ошибся очевидец—это не смычка, а смочка.

Антихристу.—Вы жалуетесь, что дьячек Юрий, из с. Вежи, Мисковской вол., и богу молится и шинок содержит. Вот и хорошо, только нехватает, чтобы ему милиция „патент“ выдала. Ну, да „Зуб“ об этом постарается—ведь не погибать же таланту, да еще святому.

Все таки собрались.

— У нас члены правления кооператива целый год не собирались, а сегодня все, как один, собрались.

— С чего ж это?
— Да за безхозяйственность под суд попали...
Вот на скамье подсудимых все и собрались...

Отцы и дети.

Клим хромой, да Тихон Браткин, ночью темной как то раз, осторожно и украдкой гнали в бане стенолаз.

— Гнать нельзя, а пить охота,—шепчет Тихону Хромой,—ну, а выгнал, вновь забота: как пробраться с ней домой..

— Н-да. Беда.. Да ты, брат, тише, "не накрыли б неравно, я и то как будто слышу—кто-то бродит под окном?..

Притаились, словно мыши, робко жмутся у окна. Тихон шепчет:

— Тише. Тише. Не засыпаться-бы нам..

Торопливо и украдкой, только-б кончить поскорей, Клим ворочается с кадкой, Тихон стремится у дверей. Кончил Клим, убрал посуду, под пол спрятал аппарат.

— Хоть убей, а гнать не буду! Тут и выпивке не рад!..

Нагрузившись самогоном, тихо вышли из дверей. Вдруг и с криком и со звоном:

— Эй! Милиция!.. Скорей!..

Побросал Хромой бутылки. Тихон тоже—и бежать. Стая палек им в затылки полетела догнав..

Пир горой стоит у Мишки. На столе—бутылка рать.

— А ведь, ловко, ребяташки, мы сумели отобрать?!

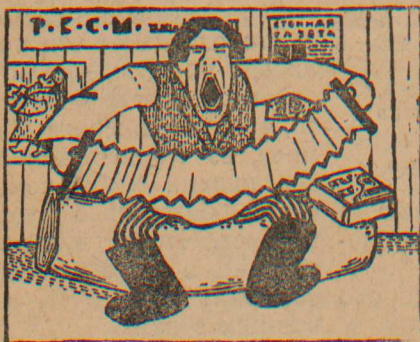
— Ну, еще-бы! Эка штука. Только братцы, ни ни-ни!

— Да и им вперед наука. Коли трусишь—не гони!..

И. ВАВИЛОВ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА!

Завивайтесь кудри в кольца,
Плачь, гармонь веселая.
У Егорки комсомольца
Грусть, тоска тяжелая.
Все читают „Зуб Бороний“,
Он один отстал от всех—
Срок подписки проворонил,
Из села один на смех.
Брось, Егорка, надрываться,
И честной народ смешить,
На „Зубочек“ подписаться—
Поскорее поспеши!!!

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ: Кострома,
Советская, 13, „Борона“. На месяц с
„Бороной“—30 коп., на 3 мес.—
85 коп., на 6 мес.—1 р. 60 к.,
на один год—3 рубля.

Выгодное дело пить водку под буфетом в чайной Пашутинского ЕПО, Шунгенской в., так как публика не видит и водка рядом.

Баранки керосином пахнут в Лоходомовском кооперативе, потому что их приказчик держит около керосиновой бочки.

Уроки пенья преподает причт села Халезево, Молвитинской вол. Для этой цели организован специальный хор.

Ищем пропавших шефов. Крестьяне Коряковской волости.

606 раз привозили армянские крестьяне семью в волостной ККОВ, но увозили обратно, потому что председателя не могли найти.

Цены снижены на самогон в чайной Боровского ЕПО, Головинской вол, теперь чашка самогона стоит 10 к вместо 15 к.

Брюки и рубашки принимаю за самогон. Самогонщик П. А. Борисова дер. Архипино, Красносельской вол.

Чем тратить краску приглашайте лучше к себе в дом хулигана Ваню Тимофеева, из Красносельской вол. От его матюгов даже стены краснеют.

Пяльто снимают на Вологодском тракте у проезжих крестьян довольно часто неизвестные громилы.

914 крестьянам разбили носы хулиганы в нашей губернии во время рождественских праздников.

Сто рублей тому кто даст полтора года.

Опытная машинистка требуется Коряковской пожарной дружине, что-бы выезжать во время пожаров на помощь.

— Эй, вставай, пойдем правление кооператива выбирать!..

— Что-то, брат, занедужил,—немегу встать.

— Сеledки будут давать каждому...

— Ну? Правда? — Марья,— дай шапку!

А. И. См.

Редактор А. КЯРУЛИН.

Секретарь Д. ЗАХОЛУСТНЫЙ.